

иной, более высокий уровень, который уже становится литературой. «Мебель» — лаконичный, с точными деталями текст, где четко и убедительно выстроена драматургия происходящего, где мотивация героя достоверна. Мы воочию наблюдаем, как мистика тьмы проступает в обыденном. Вымысел? Галлюцинации? А может быть, правда, когда свою душу — вот так? Платон часто цитирует слова Достоевского: «Здесь диавол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей». И «Мебель» — как раз убедительная история такого сердца.

Но в целом от книги остается чувство, что герой, который на всем ее протяжении ехал куда-то — через КПП, ночные автовокзалы, провинциальные городки, улицы Киева, снега, — никуда не приезжает. Для него нет точки сборки.

А может быть, он просто стоял на месте. Ведь от себя и от своей войны уехать невозможно.

Мария СКРЯГИНА

РЕЦЕНЗИИ

ЛИЦА И ГОЛОСА ГЛОБАЛЬНОГО МИРА

Очередная, седьмая (нам все труднее находить общие темы) подборка рецензий магистрантов СПбГУ, обучающихся по специальности «Критика и литературное редактирование», посвящена национальной проблематике. Оказывается, и без государственной поддержки, характерной для советской эпохи, литература о «малой родине» составляет пусть и не самую заметную, но очевидную часть литературного процесса. Чему никак не противоречит образ глобального русского мира.

Карелия, Забайкалье, Дальний Восток, уже не российские Казахстан, Армения, Эстония оказываются на одной воображаемой карте. Но, естественно, настоящие писатели превращают пространство и время в психологию, и эстетику. История и миф, предсказание и ностальгия, любовь и смерть связывают, объединяют авторов опытных и начинающих, известных и пока еще не очень.

Благодаря первым опытам литературных критиков мы получили любопытную и содержательную картинку.

Игорь СУХИХ

У ВОЙНЫ НЕТ НАЦИОНАЛЬНОСТИ

Игорь Малышев. Номах. Искры большого пожара. СПб.: Лимбус Пресс, 2018. 544 с.

В биографической справке Игоря Малышева сказано, что он родился в 1972 году, получил высшее техническое образование, сейчас работает инженером на атомном предприятии. В мире литературном он известен как прозаик; дипломант несколь-

ких премий. Написав несколько книг для детей («Там, откуда облака», 2011; «Корнюшон и Рылейка», 2016), Малышев решил взяться за тему серьезную, взрослую, требующую рефлексии и от него самого как автора, и от читателей. Результатом стал роман «Номах. Искры большого пожара», который в 2017 году стал финалистом премии «Русский Букер» и национальной литературной премии «Большая книга» (на момент написания рецензии победители в обеих неизвестны).

Это псевдобиография Нестора Махно, известного военного деятеля, анархиста, предводителя повстанческого движения во время Гражданской войны на территориях бывшей Российской империи. Батьку Махно автор представляет под именем Номах. Такая анаграммная игра категорически невозможна в документальном описании, но в произведении литературном, которое художественно осваивает и изображает действительность, возможно все, поэтому такой авторский прием не должен вызывать вопросов. Узнавание прототипа главного героя должно произойти по ходу развития сюжета; к тому же сам автор в интервью сказал, что да, это и есть Махно. Впрочем, вслед за трансформацией имени Игорь Малышев трансформирует и взятую за основу повествования историю.

После прочтения может возникнуть вопрос: создан ли в романе образ именно Номаха/Махно? Скорее, перед нами собирательный образ революционера-анархиста, борца за свободу. Тем не менее автору вполне удастся раскрыть характер персонажа. Поскольку перед нами роман исторический, предполагается, что в нем будет затронута проблема «личность и история». Но в итоге оказывается сложно сказать, что в романе является более важным: играет ли Номах ту самую роль исторической Личности, или на первый план выходит История, влияющая на личность, формирующая/деформирующая ее.

Запутанным оказывается вопрос о жанре произведения. Первоначально оно было напечатано в журнале «Новый мир» (2017, № 1) в сокращенном виде и определялось как повесть. Более поздняя версия (доработанная и расширенная) стала называться романом. Сам автор утверждал, что это «повесть в рассказах». Но на «Русский Букер» «Номах» номинирован именно как произведение большой эпической формы. В нашей рецензии мы говорим о полной версии, то есть о романе.

Однако это странный роман. Здесь нельзя говорить ни о сложной системе персонажей, ни об их взаимосвязях, ни о психологическом развитии. Книга не воспринимается как цельное произведение. Она состоит из коротких глав и скорее представляет собой сборник этих самых глав-рассказов.

Удивительно, но такими же разрозненными предстают здесь и государство, и судьбы людей. К концу повествования, кажется, должен сложиться законченный образ Номаха, но вместо этого на первый план выходит история с ее революциями, стихийностью, потерями.

Заглавие книги, как мы видим, двупланово. *Номах*. Это повстанец. Не сотрудничающий ни с одной воюющей стороной, ни с другой. Который как бы сам по себе. Жестокий. Бескомпромиссный.

Искры большого пожара. В этой метафоре нетрудно увидеть трагические события в истории России и сопредельных государств, начавшие с большой силой пожирать всех и все вокруг. Да, это пожар, в котором Номах со своими бойцами — искры. Они либо затухают вместе с ним, либо дают разгореться новому костру. Хотя Номах, конечно, не хотел их появления: в снах он видит мирную жизнь, ту, за которую наяву так нещадно и злобно борется.

В книге действительно можно найти эпизоды, в которых человек представлен искоркой в огромном окружающем мире. В главе «Переправа» о герое так и сказано:

«...одна из миллиардов человеческих букашек, ползающих по покатоному брюху планеты».

Впрочем, тема человеческой ничтожной малости встречается еще не раз. Вот, например, такой диалог: «— Слушай, пустота какая, Федос. Он снова пискнул гармошкой. Звук, едва родившись, задрожал и исчез, словно пустота залы поглотила его.

— Эй! — негромко сказал Номах, и слово его также растворилось в темном пространстве. — Чуешь? Был звук, и нет его. Так и мы с тобой, Федос, исчезнем когда-нибудь без остатка».

Герой существует в двух время/мироизмерениях: реальном и ирреальном, идеальном. Наяву он борется против всех, изошренно, с крайней степенью жестокости направляется с неугодными.

Идеальный мир — сновидения Номаха. Они предстают как мечты о жизни, в которой нет зла. В одном сне появляется дочь, в другом — шумные и веселые дети расписывают стены храма. Но сны так и остаются снами.

Впрочем, идеи, высказываемые Номахом в реальности, тоже утопичны, но это не смущает номаховцев:

«— ...Человек должен быть свободным! И он будет таким! — говорил Номах, распахивая и глядя куда-то вдаль, сквозь стены и потолок. — Анархия даст человеку свободу. Мы построим общество без государства, без механизмов угнетения и принуждения. Общество, где каждый возьмет столько воли и счастья, сколько примет его душа. Мы исполним мечты всех идеалистов и утопистов, что жили со времен Платона и до наших дней. Выпьем за то!

Стучали стаканами. Выкрикивали здравицы в честь Номаха, анархизма и воли».

Остаток жизни Номах вынужден провести далеко от той земли, за которую боролся, которую выгрызал у тех, кто ее, по его представлениям, недостоин, так яростно и нещадно проливая их кровь. Убегая от нажитых врагов, он оказывается в чужом Париже. Съедаемый болезнью и одиночеством, Номах быстро угасает. Как искра...

Жалость и брезгливость, которые испытывают к нему в лечебнице французы, — это не то, о чем мог мечтать герой. Но так получилось, что, борясь за людей и их достойную будущую жизнь, сам он ее не получил, и в конце своего пути ему приходится «быть поглощенным белизной».

Это была Искра, которая погасла.

В книге довольно много сцен насилия (что неудивительно и не может быть поставлено в укор), и даны они наглядно, хотя от каждого отдельного читателя зависит, с какой эмоциональной силой они на него подействуют.

Теперь от сюжета и героев обратимся, пожалуй, к главному. Роман вышел в 2017 году, почти через сто лет после начала Гражданской войны, ужасы которой в нем и описываются. Сделано это специально (автором/журналом) или получилось непреднамеренно — неизвестно, важно само обращение к этой теме. Когда оглядываешься в прошлое и восхищаешься достижениями и свершениями, нужно помнить и осознавать, какие жертвы были принесены, что пришлось пережить и государству, и отдельному человеку. И не только в описываемое время.

Можно подумать, что «национальная тема» в книге не затронута, но на самом деле за борьбой анархистов, красных, белых, за крестьянами, за офицерами, конечно, стоят все народы Российской империи, все те, кому «посчастливилось» попасть в мясорубку тех лет, когда происходила смена исторических эпох. Гражданская война — один из самых страшных способов разрешения накопившихся конфликтов. Книга И. Малышева напоминает об этом.

Анастасия РУДАВИНА

НЕВА 1'2018